

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Как и всякие другие эпистолярные источники, письма с фронта относятся к источникам личного происхождения. До 60-х гг. XX в. специалисты эту категорию фронтового эпистолярного комплекса относили к разряду наименее достоверных источников. В настоящее время личные письма фронтовиков представляют особый интерес и являются ценным историческим источником для изучения истории Великой Отечественной войны, т. к. образуют целостный системный комплекс, достаточный для того, чтобы подвергнуть его структурному и составному анализу. Используя системный подход и метод классификации можно выделить из данного комплекса группы фронтовых писем по региональному признаку.

В период Великой Отечественной войны в состав Хабаровского края входили такие регионы, как Камчатка, Северный Сахалин, Колыма и Амурская область. Поэтому фронтовые письма дальневосточников служили источником информации для выявления особенностей менталитета жителей Дальнего Востока, т. к. многие авторы писем утверждали, что воины-дальневосточники всегда выделялись в бою, всегда уважались сослуживцами и ценились командованием за свои личностные качества. Так, когда немцы взорвали истринское водохранилище, Арсений Самар первым бросился форсировать реку вплавь и его примеру последовали многие солдаты. Сам Арсений писал: «...Нам дальневосточникам морозы не страшны, а немцы шибко мёрзнут...»².

Поскольку Дальний Восток в годы Великой Отечественной войны был многонациональным регионом, то состав авторов писем и текст писем во многом определялся полиэтничным, полиязыковым и мультикультурным компонентом. До 1942 г. малочисленные народы не подвергались мобилизации, но уже в июне–июле первого года войны на призывные пункты пришли первые добровольцы. По фронтовым письмам дальневосточников мы можем судить о том, что представители коренных народов Севера и Дальнего Востока сыграли немалую роль в снайперском движении, широко развёрнутом на фронтах Великой Отечественной войны. Только в составе стрелковых соединений воевали 1372 представителя малочисленных

¹ Тезисы изданы при поддержке Гранта Президента РФ (Минобрнауки РФ). Тема проекта: Региональная модель трансформации культуры коренных малочисленных этносов в условиях социалистической модернизации Дальнего Востока России во второй половине 1930-х–1970-е гг.

² Солдаты Великой Победы: 60-летию победы советского народа над фашизмом посвящается / под общ. ред. Б. Д. Дрозд. Комсомольск-на-Амуре, 2005. С. 133.

народов Дальнего Востока. Многие их имена известны всей стране, такие как: М. Пассар, А. Самар, З. Киле, К. Батум и С. Номоконов, С. Оненко и многие др.¹

Так как нанайские охотники и рыбаки жили большими родовыми стойбищами и сёлами, то порой уходили на фронт целыми семьями. Поэтому документы военных лет позволили отследить фронтной путь представителей целых нанайских «династий». Так, в семье жителей села Кондон Комсомольского района Игната Дмитриевича и Марии Михайловны Самар долго хранились фронтовые письма, газетные вырезки и фотографии, Среди них четыре конверта с крупными буквами «Правительственное»: «... Примите моё сердечное соболезнование, большой привет и благодарность советского правительства и Красной Армии. М. Калинин»².

Начальник политуправления Центрального фронта генерал-майор Галаджев 20 мая 1943 г. написал Г. А. Боркову о братьях-нанайцах Пассар: о героической смерти П. А. Пассара, героя Сталинградских боёв, о «знатном воине», прославленном снайпере М. А. Пассаре, павшем в бою, о третьем брате – Иннокентии, обучавшемся на курсах командиров. Генерал предложил увековечить память героя М. Пассара. Опубликованные фронтовые документы рассказывают о том, как это предложение было реализовано, о том, что семье Максима Пассара колхоз передал семье тёлку, а краевой совет ассигновал 10 тысяч руб. на строительство дома для семьи Пассар³.

Последователем М. Пассара стал его товарищ – нанаец Захар Киле. Узнав о гибели друга, Киле писал с фронта домой о том, что нанайцы смелый и честный народ и призвал их отомстить за смерть своего брата⁴.

Большой интерес для исследования представляют фронтовые письма эвенка Кирилла Батуми, т. к. как они содержат информацию взаимоотношений фронтовиков с людьми, работающими на блага фронта в тылу. Слава этого снайпера гремела по всему Советскому Союзу. Ему писали очень многие люди. Так, например, Кирилл Батуми вёл переписку с советским писателем Ильёй Эдинбургом, а так же со своим школьным учителем Николаем Павловичем Сидоровым⁵.

Таким образом, фронтовые письма коренных жителей Дальнего Востока помогают воссоздать целостную картину Великой Отечественной войны, дополнить её региональным историческим материалом, а также выявить отличительные черты, которые обуславливают специфику и особенности фронтовых писем коренных малочисленных жителей Дальнего Востока как исторического источника. Фронтовые

¹ Ахметова А. В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.). Владивосток, 2013. С. 78.

² Солдаты Великой Победы: 60-летию победы советского народа над фашизмом посвящается / под общ. ред. Б. Д. Дрозд. Комсомольск-на-Амуре, 2005. С. 133.

³ Трудный путь к победе: сборник документов Государственного архива Хабаровского края о Великой Отечественной войне (1941–1945) и войне СССР с Японией (9 авг.–3 сент. 1945) / под ред. Т. А. Шевчик. Хабаровск, 2005. С. 9.

⁴ Письма живых и мёртвых / сост. П. И. Кулаков. Хабаровск, 1978. С. 39.

⁵ Там же. С. 116–120.

письма «регионального» происхождения являются ценными источниками и могут составить базу для изучения психического и политического сознания солдат – представителей коренного населения Дальнего Востока на фронтах Великой Отечественной войны, а также позволяют рассмотреть особенности «диалога» между властью на местах и военным сообществом посредством писем «с фронта», как напрямую, так и через газеты.

Мешалкина С. С., Екатеринбург (УрФУ)

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В XIX В.

Проблема свободы одна из тех, которые называются вечными, во все исторические времена для общества она остается наиболее актуальной. Печать, как орган мышления народа, является одним из главнейших учреждений по своей значимости. В любом государстве не вся информация передается гласности, в этом заинтересованы разные социальные группы. Это подтверждается наличием так называемых тайн: государственной, военной, медицинской, партийной, коммерческой и пр. Информационные потоки, циркулирующие в обществе, регулирует такой государственный институт как цензура. Под цензуру попадает любое печатное, рукописное и устное произведение. Цензура бывает предварительная и последующая (иначе – административно-карательная), вошедшая в практику позднее.

Цензура, как хорошо организованное, постоянное учреждение, возникает сравнительно поздно. Предпосылки развития цензуры в нашей стране появились еще в XVI в., но только с XIX в. начинается ее действительная история – как организованного учреждения¹. В XIX в. цензура окончательно оформляется в России и закрепляется законодательно: появляется первый цензурный устав, выход которого ознаменовал официальное закрепление цензуры как государственного института. Общество и правительственная верхушка не сразу поняли, насколько мощной и властной силой является печатное слово, какое влияние способно оказывать оно на народные массы, но с течением времени, осознав это, правительство старалось использовать эту силу в своих интересах. Совершенно необходимо проследить, как и при каких условиях появлялись зачатки цензуры в нашей стране еще с XVI в., и как эти элементы развивались и превращались в самостоятельную властную структуру.

История российского законодательства о цензуре, хотя и начинается позже, чем в других европейских странах, но не уступает многим из них по богатству и разнообразию материала. Одним из самых богатых источников является Полное собрание законов Российской Империи, впервые подготовленное Сперанским в 1830 г., а позднее издающееся каждый год.

¹ *Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. СПб, 1904. С. 25–26.